

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 239. Пометки В. И. Ленина см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 74.

⁹ Таболина Т. В. Этничность и общество: поиск концептуальных решений // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 150.

¹⁰ Тишков В. А. Народы и государства // Коммунист. 1989. № 1. С. 58.

¹¹ Резолюция Всесоюзной научной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (ноябрь 1988 г.) // СЭ. 1989. № 4. С. 140.

¹² Там же.

¹³ Бердяев Н. А. Философия свободы // Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1989. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Чешко С. В. Национальное государство или демократическая федерация? // Вестник АН СССР. 1990. № 1.

¹⁶ Чешко С. Экономический суверенитет и национальный вопрос.

© 1990 г.

Л. С. Перепелкин

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

(Ответ С. В. Чешко)

Хочу выразить глубокую признательность С. В. Чешко, взявшему на себя труд критически анализировать наши публикации. Не скажу, что мы удовлетворены формой ведения дискуссии: намеки на некомпетентность, попытки уличить в неверности ссылок¹, поучающий тон, наконец, почти что обвинение в разжигании межнациональной розни — все это вне правил научной полемики. Последняя предполагает состязательность идей, что особенно важно, если авторская концепция отвергается «в целом». Но С. В. Чешко избрал иной путь — педантичного подсчета наших мнимых и явных промахов, критики отдельных положений, часто искаженных в пересказе. Во многих случаях критика С. В. Чешко основана на неточном или ошибочном понимании тех научных проблем, которые составляют базу нашей концепции.

Чтобы не быть голословным, прокомментирую несколько положений автора по вопросам экономического развития. Такие, например: «Непонятно почему они (т. е. мы.— Л. П.) предполагают, что государство в принципе является институтом организации экономических отношений». «По существу авторы подменяют его (т. е. вопрос о характере производственных отношений и формах собственности.— Л. П.) вопросом о том, кто должен руководить экономикой внеэкономическими средствами: союзное государство или союзная республика».

С. В. Чешко пытается представить нас апологетами командно-административной системы в ее модифицированном варианте. А себя, соответственно, сторонником самого либерального экономического порядка. Однако «...любое правительство не только планирует, но и законодательно оформляет свой бюджет, структуру его распределения и действует затем в соответствии с утвержденным конгрессом планом. Участвует оно и в частных, смешанных и собственно государственных исследовательских долгосрочных проектах научно-технического развития, осуществляет прогнозирование научно-технического прогресса, финансирует те или иные „вековые“ проекты или структурные программы» (автор высказывания — наиболее последовательный сторонник денационализации экономики)².

Ни один современный экономист не исключает, как это делает С. В. Чешко, государство из числа субъектов экономической жизни. Для нас важна в первую очередь роль государства в руководстве научно-техническим развитием страны, которое во многом опирается на культурные традиции ее населения. Вот почему мы не можем, не имея права предлагать одинаковую для всех республик модель производственных отношений и форм собственности. Это именно та «частность», которую должна решать самостоятельно каждая республика. Не желая этого признавать, С. В. Чешко выступает как сторонник жесткого централизма, опирающегося на «внеэкономические средства».

Вот другое неудачное положение автора: «...государство защищает экономические интересы определенных групп общества (или, теоретически, всего общества), а не те или иные виды экономических взаимосвязей... В экономике „централизация“... означает наличие единого, объемлющего всю данную территорию рынка... „Децентрализация“ же означает не что иное, как отсутствие такого рынка и наличие ряда мелких рынков...»

Вся рыночная система и изучающая ее дисциплина — маркетинг построенны на иерархичности связей (= «экономическим взаимосвязям»?) — от охватывающих одно поселение до глобальных. Централизация и децентрализация — это, как известно, типы управления. Рынок же, которым управляют (не имеется в виду косвенное регулирование), превращается в нерынок, т. е. исчезает. Любое государство в лице своего правительства весьма озабочено состоянием рынка, т. е. «экономическими взаимосвязями». Могут предполагать, что жизненный опыт в условиях вне рыночной экономики вкупе с усвоением догматов так называемой политекономии социализма не с одним С. В. Чешко играют недобрую шутку.

И еще один, последний пример из области экономики: «...В случае с ЕЭС происходит не децентрализация единого государства, а политическая, вслед за экономической, интеграция самостоятельных государств. В случае же с СССР предлагается (нами. — Л. П.) ослабить связи внутри единого государства, и это называется интеграцией!» «Вторая точка зрения представляет собой логический перевертыш».

Можно сказать так, как С. В. Чешко. А можно и иначе: в случае с ЕЭС мы наблюдаем процесс нормального, естественного развития. В случае же с СССР мы видим результат развития неестественного, волюнтаристского, игнорирующего общественные, в том числе и экономические законы, т. е. «логический перевертыш», если говорить не о формальной логике, а о логике развития общества. Тогда вывод очевиден, и мы его делаем: для исправления ситуации, для «включения» закономерностей общественного развития необходима на данном этапе максимальная децентрализация. Впрочем вне зависимости от воли союзного правительства или защитников «единого государства» наша страна уже вступила на этот путь. Так будем ли мы продолжать агонию единства, скрепляемого силой оружия и экономической зависимостью республик от «центра» (это, видимо, и имеет в виду С. В. Чешко, когда пишет о праве «прыгнуть с обрыва»), или перейдем к естественным формам «экономических взаимосвязей»? Перед читателем два ответа на этот вопрос. От выбора, который мы сделаем, зависит судьба страны.

В рассуждениях С. В. Чешко, касающихся форм государственного устройства, я также не нашел ничего, кроме словесной эквилибристики и набора трюизмов типа: государство есть политическая надстройка. Быть может, в собственно этнографических вопросах нет таких досадных промахов? Обратимся к тексту «Антитезисов».

«...Авторы основательно заблуждаются, — пишет С. В. Чешко, — полагая, что распространение коневодства у североамериканских индейцев не повлияло на „системную целостность культуры“. Напомним, что мы противопоставляли две формы инновационного процесса, одна из которых ведет к деградации общества, а другая — к его развитию. Переход ряда североамериканских индей-

ских племен от пешей охоты к конной (а не к «обществу коневодов», как полагает С. В. Чешко) является, по нашему мнению, примером второй формы. Одно из трех: или С. В. Чешко «основательно заблуждается», не пожелав понять, о чем идет речь; или он «заблуждается» не менее «основательно», считая, что развитие коневодства привело к деградации североамериканских индейцев; либо он думает, что культура не может развиваться как системная целостность при постепенной смене типа хозяйства, что также «основательное заблуждение».

«...Какое отношение к развитию этноса имеют выпадение осадков или грозовые разряды?» — иронизирует С. В. Чешко. Любую мысль своего противника можно довести до абсурда — это старый полемический прием. Но следует соблюдать и некоторую осмотрительность. В частности, от количества выпадаемых осадков зависит тип земледелия (богарное или поливное), с которым все-таки связано «развитие этноса». Не так ли?

Полагаю, что желание во что бы то ни стало доказать этнографическую некомпетентность авторов критикуемой работы не усилило аргументацию «Антитезисов». В связи с этим готов напомнить критику его же слова о нежелательности «строить теоретические концепции (и, добавлю, вступать в научную полемику. — Л. П.), исходя прежде всего из собственных политических убеждений и вкусов». Считаю также необходимым предостеречь С. В. Чешко от деления специалистов на «традиционалистов» (как еще говорят, «чистых этнографов») и «новаторов» (сторонников «комплексности»). Тогда, возможно, научная полемика будет более конструктивной.

К сожалению, ограниченный объем моего отклика не позволяет более подробно ответить на замечания оппонента. Читатель, надеюсь, увидел на примерах, что критика С. В. Чешко, по крайней мере во многих случаях, бьет мимо цели. Насколько я могу судить, источник наших разногласий — различное понимание феномена «этнос». Нам приписывается взгляд на этнос как на экономическую категорию, что по меньшей мере странно: ведь экономика — это тип отношений между людьми и, следовательно, атрибут человеческого общества. А как сам критик понимает этнос? Обратимся к тексту.

Наиболее четкая формулировка, дающая представление об авторской позиции, содержится в следующем высказывании: «Экономикой может обладать (? — Л. П.) государство, регион, общество, но не этнос, который не является ни территориальной общностью, ни обществом как совокупностью образующих его социальных связей». Делаю вывод: С. В. Чешко понимает этнос исключительно как аморфный духовный или культурный феномен, никак не «заземленный», не связанный ни с какими общественными (социальными, политическими, экономическими) структурами. Или, иными словами, из теоретической модели этноса, предложенной Ю. В. Бромлеем, он берет лишь этникос и напроочь отбрасывает ЭСО. Подобный подход нуждается в серьезном обосновании³, которое отсутствует во всех известных мне работах нашего оппонента.

Естественно, такое понимание этноса (не скажу, что неправильное, но неполное) не позволяет С. В. Чешко признать существование национальных государств, а тем более их поступательного развития⁴. И его не убеждают ни распад в XX в. многонациональных империй Европы на национальные государства, ни развитие в государствах мира федералистских начал по этническому признаку, ни такая интереснейшая этнологическая проблема современности, как воссоединение (или стремление к нему) разделенных политическими границами народов или национальных государств. «Понятие „суверенитет“ сегодня, — пишет С. В. Чешко, — уже превратилось в пресловутый жупел, очень удобный для политического лоббизма... Какой же суверенитет может быть у экономики (это, очевидно, невпадет о нашей формулировке «экономический суверенитет республик». — Л. П.) или у этносов?» В критическом запале автор забыл о признанном международными нормами праве народов на самоопределение. Это понятно, ведь он сочувствует другой линии национального развития: «... сталинская политика централизации была неверной не в целом, а вслед-

ствие нетерпимых, насильственных методов их достижения и забегания вперед»⁵.

Да и зачем нужен какой-то суверенитет, если все равно «...доминирующая тенденция в развитии этносов, прежде всего развитых стран, состоит в сближении их культур на основе унификации, а вовсе не их усиливающаяся дивергенция». (Бездоказательно и немного коряво, но в целом идея знакома: «сближение», но без «расцвета») ⁶. И тогда «пусть с этническим многообразием разберутся история и сами народы, и не нужно мешать им, вменяя в обязанность государству сохранение этого многообразия». Но «вменить в обязанность» государству что-либо под силу только обществу, а откуда С. В. Чешко знает, что ему «не нужно», и что нужно? Следует признать, что первоначальные формулировки этих идей были четче, «программнее»: «...вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык (то же говорилось и о национальных культурах. — Л. П.) есть не вопрос внутrigосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе»⁷. Не этот ли путь «сближения» имеет в виду С. В. Чешко?

Казалось бы, логично, что участь «сближения» и «унификации» постигнет в первую очередь малые народы, национальные меньшинства и этнические группы по причине их немногочисленности. Однако наш критик взял их под свою защиту. При всей своей дотошности С. В. Чешко «не заметил» в нашей статье оговорку о том, что проблема меньшинств находится вне нашего анализа — и тут же обвинил нас в пренебрежении их интересами. Мы считали, что эта проблема достаточно изучена, что существует огромный мировой опыт и признанные международные юридические нормы, в соответствии с которыми следует действовать и в нашей стране. Добавить к этому нам нечего.

И одно общее рассуждение по поводу взаимоотношений больших народов, малых народов и государства (несомненно, вне контекста дискуссии с С. В. Чешко). Принцип «разделяй и властвуй», сформулированный древнеримскими политиками, с тех пор всегда был основой сохранения господства «сильного центра». Так, напомним, именно национальные меньшинства выступили важной силой в подавлении революции 1848 г. и сохранении Австрийской империи. Но существуют ли в нашей стране реальные основания для противопоставления интересов крупных народов и национальных меньшинств, если, конечно, признавать и применять на практике мировой опыт разрешения проблемы меньшинств? Я таких оснований не вижу.

Закljučая свой отклик, хочу высказать надежду, что в дальнейшем основной тон в дискуссии, если она продолжится, будет задавать конструктивная критика, которая столь нам необходима.

Примечания

¹ Напомню С. В. Чешко, что научный аппарат служит не только для оформления прямых заимствований, а может подтверждать какую-то часть авторской мысли или показывать родство подходов разных авторов к одной проблеме.

² Пияшева Л. Социал-демократия и мы // Родник. 1990. № 1. С. 70.

³ А вот другое, противоречащее приведенному выше, высказывание С. В. Чешко по данному вопросу: «Ее (т. е. нации в „этническом“ смысле. — Л. П.) содержание составляет совокупность явлений, отношений и процессов экономического, социального, политического, культурного, идеологического характера. Специфика национального отчасти как раз и состоит в его комплексности». См.: Чешко С. Межнациональные отношения: перспективы изучения // Общественные науки. 1989. № 6. С. 101. Еще противоречие: в тексте «Антитезисов» С. В. Чешко отказывается признать этносы «субъектами экономических отношений», а в цитированной статье (С. 103) считает, разделяя наши убеждения, «народы-этносы самостоятельными субъектами истории» (следовательно, и экономики, ибо внеэкономической истории пока не изобретено).

⁴ Лишь, видимо, уступая обаянию испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, С. В. Чешко согласился рассматривать национальные государства как «частный случай». См.: Чешко С. Указ. раб. С. 104. Но своим коллегам — никаких поблажек.

⁵ Чешко С. В. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2. С. 101.

⁶ Источник этих идей см.: Сталин И. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1935. С. 426—427.

⁷ Там же. С. 433.